

Ирония как методологическая теория: эскиз четырех социологических вариаций*

Дигби К. Андерсон
Уэсли У. Шеррок

Аннотация. В статье рассматривается специфический прием, часто используемый в социологической практике, — методологическая ирония. Суть этого приема заключается в том, что социолог подменяет обыденный мир актора миром объективных возможностей, которые доступны только социологическому изучению. В итоге с помощью этого приема социологи получают специфический образ социальной реальности, соответствующий их методологическим предпочтениям. Авторы выделяют четыре варианта методологической иронии: трансформацию системы координат, обогащение повседневного, расшифровку смысла, моральную инверсию.

Ключевые слова. Ирония, методология социологии, социологическая практика, повседневное мышление.

Социологи, не имеющие достаточно достоверных знаний, которые они могут предъявить в качестве достижений своей дисциплины, нередко утверждают, что их практики отличаются от практик естественных наук и ближе к практикам поэзии, что они производят скорее «прозрения», чем знания. Иначе говоря, социологи используют те ресурсы, которые находятся в распоряжении поэтов и ораторов, а не научные процедуры [4].

Мы согласны, что изложение научной технологии в социологических трудах зачастую является лишь ритуальным инструментом аргументации [2]. Но мы не готовы согласиться с тем, что социологические исследования лучше рассматривать в качестве способа получения поэтических озарений. То, что социология может видеть мир «иначе», не означает, что она видит его яснее или глубже. Использование поэтических техник — еще не гарантия хорошей поэзии, и простое применение поэтической или риторической техники не делает социологию поэтической или убедительной.

Одним из приемов, доступных поэту и оратору и широко использующихся в социологии, является ирония. Рассмотрим, в какой степени ее применение позволяет получить более четкий образ «социальной реальности».

Претензии социологии на озарение обычно выдвигаются в конкурентных целях, поскольку их подтверждение ведет к отказу от того, что мы иначе бы не отвергли. Социологическое озарение предлагается не просто как довесок к уже имеющемуся у нас пониманию, но как нечто, требующее коренного и полного пересмотра предыдущих идей. Многие социологи гордятся тем, что их работа опровергает некоторые «наши» основополагающие представления о мире. Они показывают, что мир совсем не такой, как мы думали, что причины наших действий гораздо менее возвышенны и гораздо более низменны, чем мы себя уверяли, и т.д. Будь такие претензии оправданы, это

* Перевод с английского Андрея Корбута. Перевод сделан по: Anderson D. C., Sharrock W. W. Irony as a methodological theory: a sketch of four sociological variations // Poetics Today. 1981. Vol. 4. № 4. P. 565–579.

© Корбут А., 2010.

© Центр фундаментальной социологии, 2010.

имело бы серьезные и глубокие последствия, поэтому они заслуживают четкой и ясной критической оценки. Стоят ли предполагаемые социологические прозрения той цены, которую придется за них заплатить? Должны ли мы признать, что совершаем ошибки, которые нам приписывают? В любом случае элементарная справедливость требует, чтобы дисциплина (в данном случае — социология), которая столь кичится своим скептическим, критическим, разоблачающим мировосприятием, обратила внимание на бревно в собственном глазу, отнеслась к своим притязаниям столь же скептически, как и к чужим. Увы, собственные основания редко подвергаются критике: социологи не отличаются особой склонностью к саморефлексии.

Ключевое звено социологической иронии — противопоставление социологии «обыденному пониманию» или порождающим его процессам «повседневного мышления». Довольно часто, знакомя первокурсников с социологией, их делают объектом критики как носителей повседневного мышления; представления, с которыми они приходят, объявляются полными ошибок и заблуждений [см. хорошую иллюстрацию в 15]. Несомненно, с точки зрения многих социологов, основная задача их дисциплины заключается в критике обыденного сознания.

Мы не уверены, что выбор между «социологическим озарением» и «повседневным мышлением» является обоснованным и настоящим. «Обыденное понимание» (его еще называют идеологией, здравым смыслом, нормативным порядком, культурой и пр.) часто объявляется специфической и важной темой социологического исследования, требующей систематического описания и анализа. Подобные декларации могут делаться лишь в качестве предваряющих искомое систематическое описание, но даже в этом случае данное намерение редко реализуется; в настоящее время у нас отсутствует техническое рассмотрение этих вопросов. Не имея такого рода технического аппарата, социологи вынуждены представлять «повседневное мышление» случайно и ситуативно, описывая его способами, которые мы не можем считать иначе как насквозь повседневными. Зачастую высказывание социолога имеет форму пропозиции, к которой добавляется некоторое придаточное предложение, например, «как полагают в настоящее время», «как принято думать». Те, кто пытается дискредитировать повседневное мышление, обычно опровергают пропозицию X, в которую принято верить, в пользу пропозиции Y, которая истинна¹. Однако если их усилия, как правило, направлены на доказательство ложности X и истинности Y, то при этом они также доказывают, что X *принимается* всеми на веру.

Те ошибки, в которых обвиняют (и слово «обвиняют» здесь более чем уместно) повседневное мышление, сами, на наш взгляд, носят вполне повседневный характер: расовая предубежденность, опора на стереотипы, приписывание должного, вера в то, что пишут в газетах, и т.п. Да и те процедурные ошибки, которые объявляются причиной подобных прегрешений, тоже вполне обыденны: чрезмерные обобщения, поспешные выводы, ложные допущения, ошибочные объяснения (к примеру, психологические, а не социологические)².

¹ Например, Открытый университет заявляет, что одна из его целей — «бросить тень сомнения на общепринятые представления» о преступлении [15, р. 61].

² Об этом свидетельствует обширная социологическая литература, посвященная расовым отношениям, девиации и медиа.

Социологические представления, альтернативные повседневному, (обычно) противоречат тем взглядам, которые они критикуют: вере во врожденное превосходство определенных рас противопоставляется образ людей, имеющих много общечеловеческих черт, идее генетически детерминированных различий между ними противопоставляется идея обусловленности этих различий способами жизни и т.п.

Вопрос не в том, действительно ли взгляды большинства социологов обоснованы лучше, нежели взгляды, против которых они выступают. Скорее, вопрос в том, существует ли (а многие, похоже, полагают, что да) *систематическое* и *качественное* различие между социологическим и повседневным мышлением³. Мы говорили выше, что пока еще очень далеки от понимания, в каком бы то ни было аналитическом смысле, сущности повседневного мышления и, соответственно, того, каким образом социологическое мышление отличается от него по своим формальным свойствам. Однако судя по тем критериям, которые используют социологи для идентификации повседневного мышления, здравого смысла и т.д., их собственное мышление носит ярко выраженный повседневный характер. Разница заключается не в противоположности способов мышления, а в противоположности убеждений — она, скорее, предполагает выбор между одним популярным мифом и другим (или, что можно чаще наблюдать в случае социологии, между популярным мифом и непопулярным). Столь упорная критика обыденных мнений со стороны социологов связана с их желанием поставить свои идеи в особое привилегированное положение; придать им видимость независимости от ограничений, налагаемых на (других) членов общества; объяснить расхождение между социологическими суждениями и суждениями, которые идентифицируются в качестве повседневных, тем, что повседневное мышление не способно производить социологические идеи, поскольку ему попросту недоступны необходимые процедурные ресурсы. Поэтому на тот факт, что люди обычно находят социологические аргументы неправдоподобными, можно не обращать внимания, так как он является результатом их когнитивных дефектов, из чего можно сделать вывод, что они признали бы их правдоподобность, если бы им представилась возможность мыслить в терминах, отличных от тех, в границах которых они «замкнуты»⁴.

Мы не уверены и в том, что ироническая позиция в отношении обыденного понимания является преимуществом социологии. Подобная позиция делает социологическое мышление амбивалентным и нестабильным. Выделение обыденного понимания как области ложного мышления, проект разоблачения и демистификации входит в противоречие с доминирующей «гуманистической» ориентацией социологии. Для демонстрации того, что какая-либо форма мышления сеет и увековечивает ложь и ошибки, недостаточно просто показать, что она подвержена спорадическим, случайным (хотя и существенным) заблуждениям. Необходимо показать, что ошибки составляют сущность, ядро мыслительных процедур, а не возникают в результате специфического применения мышления. Необходимо также показать, что данная форма мышления закрыта и не способна к осознанию ошибки и к самокоррекции:

³ Гарольд Гарфинкель, например, не желает признавать какое-либо формальное различие между «обыденным» и «профессиональным» социологическим мышлением [см.: 7; 8].

⁴ Подобного подхода часто придерживаются марксисты, связывающие «объективные интересы» людей с их потребностями.

ее недостатки заметны лишь тем, кто находятся «вне» ее⁵. Однако акцентирование предрасположенности членов общества к ошибкам и самоуспокоенности заставляет видеть в них наивных, легковверных, невежественных, недалеких людей, т.е., говоря прямо, кретинов. Но столь пренебрежительное отношение с трудом вписывается в радикальную антиэлитистскую установку социологии, поэтому возникает необходимость «защитить» членов общества от выводов об их наивности и глупости, происходящих вследствие иронизации их практического понимания. Один из способов исправить ситуацию мог бы заключаться в наделении членов общества бесконечной искусностью в том, что Гегель называл смекалкой, так, чтобы их поведение воспринималось как осмысленное, хотя это и сложно сразу распознать, поскольку его осмысленность носит очень тонкий и скрытый характер. В некотором роде можно утверждать, что они не ведают, что творят, хотя можно показать, что у них есть безошибочная способность поступать так, как нужно, и организовывать свои дела так, чтобы решать необходимые задачи и при этом «скрывать» от себя факт и сущность своей организующей роли (именно в этом, на наш взгляд, заключается идея реификации). В таком случае члены общества оказываются гораздо умнее, чем они сами об этом знают, а их невежество и ошибки играют инструментальную роль, позволяя им совершать то, что они не смогли бы сделать сознательно.

Ироническая установка в отношении обыденного понимания вносит нестабильность в социологическое мышление еще и тем, что делает неопределенным распределение ответственности между «обывателем» и исследователем (о чем мы поговорим ниже), а также заставляет колебаться между полюсами объективизма и релятивизма (по поводу чего нам нечего добавить), когда кажется, что подчеркивание «объективности» социологии должно придать ей смысл (она бессмысленна, если не претендует на схватывание «того, что есть на самом деле»), но при этом социологи не готовы согласиться с теми иерархическими выводами, которые следуют из допущения о том, что социолог *действительно* знает лучше.

Варианты иронии

Социологи склонны принимать проспект за годовой отчет, отождествлять краткий план с результатом его применения, и поэтому значительная часть аргументов в пользу преимуществ социологии по сравнению с «общепринятыми» представлениями основывается, как нам кажется, больше на допущениях, чем на демонстрациях, т.е. утверждается умозрительно, в качестве возможности, поскольку они более чем очевидным образом вытекают из доктрин, входящих сегодня в социологическое мировоззрение. Разумеется, мы осознаем, что эта наша оценка отнюдь не разделяется большинством социологов.

В основе практики социологической иронии лежит противопоставление мира, каким он *якобы* воспринимается членами общества, и мира, какой он есть на самом деле (который, по умолчанию, считается таким, каким его представляет социолог). Поэтому теперь мы попытаемся очертить некоторые техники, с помощью которых

⁵ Вопрос о том, действительно ли это так, играл ключевую роль в тезисе о «других культурах», который был предметом спора между Питером Уинчем и его оппонентами [13].

осуществляется это противопоставление. (Четыре выделенных нами варианта мы очень грубо соотносим с разными типами социологии, хотя понимаем, что такая привязка не является ни инвариантной, ни единственно возможной.)

1. Трансформация системы координат

Кеннет Берк [5, р. 3–7] указывает, что соотношение «сцена–акт» имеет решающее значение для характеристики действия и что смена способа описания обстановки, в которой протекает изображаемое действие, меняет видимый характер самого действия. Модификация соотношения «сцена–акт» является неотъемлемой частью социологической работы, предполагающей не только выбор сцены, в которую будет помещено действие, но и, как правило, подстановку иного фона, нежели тот, который актер мог бы считать сценой своих поступков.

Обычно считается, что социальный актер проектирует свои действия в той обстановке, которую кратко называют «обществом, увиденным изнутри». Тем самым актер типизируется посредством точки зрения, а эта, частично раскрытая, точка зрения зачастую предполагает следующее:

а) что актер воспринимает свои действия в качестве протекающих на фоне «мира повседневной жизни»;

б) что мир актера предстает перед ним лишь частично, выглядит разным для различного расположенных акторов и выглядит разным для одного и того же актора в разное время и из разных мест;

в) что интересы и цели актора будут соответствовать типу обстановки, что они будут носить «повседневный» характер, будут житейскими, персонализированными, локализованными, разнообразными, прагматическими и краткосрочными (среди прочего);

г) что актер будет познавать мир повседневной жизни в условиях, заданных его социальным положением, исходя из своей ограниченной перспективы в отношении сцены и в ходе реализации своих повседневных интересов и целей, а приобретение знаний будет подчиняться задаче реализации этих практических интересов; что знание тем самым будет конструироваться на ситуативной основе, бессистемно, безотчетно, без твердых доказательств и в отсутствие информации о событиях, выходящих за горизонт опыта актора.

Социолог приписывает себе совершенно иную точку зрения, нежели точка зрения актора, — точку зрения, которая часто идеализируется как перспектива самой системы действия, показывающая, как выглядит положение вещей «извне», «за пределами» мира повседневной жизни. Социологическая точка зрения представляется относящейся к точке зрения актора во многом так же, как фотография с воздуха относится к фотографии того же самого участка с земли: в поле зрения оказываются вещи, которые недоступны для изучения на месте, что позволяет охватить взглядом гораздо большую площадь, чем это возможно из любой наземной точки, а также выявить структуры, к которым принадлежит та или иная отдельная точка зрения, но которые она не позволяет сделать предметом восприятия. Следовательно, точка зрения социолога объемлет перспективу актора, отделяет данную перспективу от взаимосвязанных с ней частичных перспектив других акторов, а также позволяет увидеть объ-

ект, на который направлены эти перспективы. Однако разница заключается не только в угле рассмотрения; позиция социолога понимается как точка зрения, отражающая область объективных возможностей и позволяющая выявить:

а) что на самом деле составляет интенциональный объект перспективного восприятия актора;

б) сущность и степень расхождения между тем, что реально существует, и тем, что актор считает (или воображает) реально существующим;

в) актуальную диспозицию обстоятельств, в которых актор проектирует свое поведение;

г) ограничения и рамки поведения, которые будут оказывать влияние на вероятность успеха действий актора, независимо от того, осознает ли актор их существования;

д) механизмы и принципы, поддерживающие и модифицирующие актуальные обстоятельства и детерминирующие характер действий, вне зависимости от того, какие принципы актор полагает определяющими для своих действий и влияющими на вероятность их успеха.

Социолог может переопределить действия актора, заменив мир повседневной жизни областью объективных возможностей в качестве среды осуществления его действий. Это, конечно же, имеет серьезные последствия для характеристики действия. Одно из последствий, наиболее важное для нас, связано с расширением области релевантностей. Какие бы соображения ни казались релевантными «изнутри» системы координат повседневной жизни, какие бы соображения актор ни считал решающими для выбора направления действия, с социологической точки зрения они будут казаться слишком узкими, требующими дополнения за счет соотнесения с объективным контекстом, выявляемым социологией. Например, чтобы понять такой анахронизм, как ношение галстука-шнурка, недостаточно просто обратиться к тем соображениям, которых придерживается актор, выбирая именно это предмет одежды из своего гардероба⁶. Нам нужно понять, что *вообще* стоит за ношением галстука-шнурка: почему галстук именно такого вида, какие есть еще виды галстуков, какие типы людей носят такие галстуки, каковы общие жизненные обстоятельства этих людей, почему они как *люди определенного типа* проявляют склонность к ношению подобного рода предметов одежды, и т.д. Мы можем за несколько шагов перейти от локального, конкретного случая к наиболее широкой системе организации, которую способна различить предпочитаемая нами социологическая теория: выбор галстука-шнурка перестает быть проблемой того, «что надеть сегодня вечером?», и становится проблемой кризиса современного монополистического капитализма. Условия выбора радикально изменились: актор не выбирает из имеющегося в его распоряжении имущества; он выбирает из тех возможностей, которые ему предоставляет его общество. Будь общество иным, объекты его выбора тоже были бы иными. Проблема заключается в следующем: почему данное общество ограничивает своих членов только теми предметами выбора, которые исторически, умозрительно или логически воз-

⁶ Мы используем столь причудливый пример, поскольку главной целью подобного подхода является демонстрация того, что вроде бы тривиальные вещи могут иметь большое значение и серьезные последствия (см. вариант 2 ниже).

можны? С повседневной точки зрения может казаться, что актер имеет лишь самые локальные и ограниченные соображения и что поэтому приписывать ему их, когда они явно далеки от сознания *актера*, было бы странным. Однако те, кто их приписывает, будут безусловно утверждать, что независимо от того, размышляет ли актер о подобных вещах или нет, его действия являются следствием и соотносятся с областью объективных возможностей и что тем самым, осознает это актер или нет, его действия представляют собой выбор за и против *status quo*: любой выбор между А и Б предполагает более «базовый» выбор, т.е. выбор между принятием мира, в котором возможности выбора ограничиваются А и Б, и отрицанием такого мира в пользу более разнообразного пространства альтернатив.

Берк, как можно судить по используемому им термину, считает соотношение «акт–сцена» вопросом пропорциональности. Замена мира повседневной жизни областью объективных возможностей в качестве обстановки действия должна, очевидно, вызывать существенные диспропорции. Действия актера можно понимать как реакции на проблемы, создаваемые ему объективными условиями его жизни, но его реакции на эти проблемы, которые проявляются в формах, «допускаемых» повседневной жизнью и когда они рассматриваются с точки зрения условий, которые якобы являются их объективным источником, кажутся совершенно неэффективными. Выбор стиля одежды может представлять собой способ высказывания, противодействия угнетению и может быть единственно доступным в данных обстоятельствах, но он явно крайне неэффективен в качестве средства реального разрешения проблемы репрессивного общества: «...оригинальный стиль моды можно интерпретировать как попытку воплотить — правда, в *воображаемой форме* — условия существования социально-мобильного «белого воротничка». В то время как их арго и ритуальные формы поддерживали многие традиционные ценности родительской культуры, их одежда и музыка отражали гедонистический образ обеспеченного потребителя» [Р. Cohen, цит. по: 10, р. 32]. Поскольку область объективных возможностей составляет актуальную среду актера, именно она ограничивает его и должна поэтому ощущаться, переживаться им, хотя доступные ему ресурсы идентификации и артикуляции его опыта содержатся лишь в повседневном мышлении и поэтому, как считается, не позволяют открыто артикулировать подобный опыт. Следовательно, непосредственные выражения актера требуют повторного изучения. Им не следует доверять, их нужно исследовать на предмет того, говорят ли они о том, что они едва способны выразить, о том, о чем они могут говорить только посредством символов и намеков. Необходимо расшифровать смысл.

2. Обогащение повседневного

Термином «повседневное» можно характеризовать разные вещи. Одно из его значений — нечто обыденное и бессобытийное, т.е. рутинная и безмятежная жизнь, в которой «ничего не происходит». Повседневный мир часто считается повседневным именно в этом смысле — банальным, скучным, нудным, неинтересным. Некоторые социологи пытаются поставить это представление под сомнение, показав, что повседневный мир намного более оживлен, гораздо более сложен, невообразимо более событийен, чем об этом говорит «общепринятый миф». Для этого они нагружают оби-

тателей мира повседневной жизни существенно бóльшим количеством «работы», чем того требуют их обычные занятия.

Социологи имеют законное право ставить вопросы об условиях, при которых стабилизируются, воспроизводятся и модифицируются паттерны действия, а также об условиях, при которых возможна взаимоосмысленная коммуникация. Они могут изучать организации действия, чтобы понять, как различные типы организации «решают» проблему поддержания своего существования, как действия акторов соотносятся, превращаясь (например) во взаимно поддерживаемый паттерн действия. Однако лишь тонкая грань отделяет данный подход от представления о том, что актер имеет дело лишь с проблемами, указанными социологом, будто именно *актер* решает проблему социального порядка.

Гилберт Райл [1] утверждал, что картезианский дуализм «сознание–тело» может породить своеобразный мир, в котором наши телесные действия сопровождаются рядом призрачных ментальных событий. Точно так же социология может создать впечатление, что мир повседневной жизни — это мир, где наши поступки сопровождаются непрерывным потоком параллельных действий, с помощью которых мы управляем формальными условиями стабильных паттернов деятельности. Мир повседневной жизни в таком случае становится гораздо более сложным: мы занимаемся своими повседневными делами — ходим на работу, завтракаем, открываем собрание, — *а также* интегрируемся в группу, осуществляем социальный контроль и т.п.

Такие будничные занятия, как непринужденная болтовня, проход с тележкой с чаем по больничному отделению, разговор по радио между водителем такси и диспетчером теперь следует рассматривать в качестве поразительных социальных событий. Нам демонстрируют, что непринужденная болтовня является замысловатым ритуалом, в ходе которого собеседники осуществляют самопрезентацию, что движение тележки повторяет линии статусной иерархии или социальной сети, что разговор по радио отражает профессиональную субкультуру и ее сложные навыки.

Основная цель — вызвать восхищение. Мы должны занять эстетическую позицию в отношении тех задач, с которыми сталкиваются самые заурядные социальные участники, а также тех эффективных, элегантных, деликатных и тонких практик, с помощью которых они их решают. Можно сказать, что все эти житейские события возможны, только если их участники способны «решить» проблему согласованного социального действия, способны инициировать и поддерживать упорядоченное взаимодействие, при этом занимаясь своими непосредственными профессиональными или социальными делами.

Такой подход вынуждает нас принять определенные представления об актере и исследователе.

Нам предлагают признать тонкую чувствительность исследователя, который смог различить мимолетные, едва заметные намеки, используемые партнерами по взаимодействию для сигнализации друг другу о своих намерениях, который смог проанализировать элементы, обычно считающиеся тривиальными и несущественными, и показать, что они имеют большое значение, вес, влияние, и который достаточно подробно изучил повседневную жизнь, чтобы выявить детали ее организации, недоступные случайному наблюдателю.

Зачастую это побуждает нас повысить свою оценку тех или иных акторов. Кеннет Берк заметил, что соотношение «сцена—агент» тоже играет важную роль и переопределение сложности и искусности повседневного поведения должно, если это соотношение сохраняется, вести также к переоценке актора [5, р. 7–8]. Предметом подобного рода исследований становятся те, кого общество оценивает очень низко, кого считают непригодным или неспособным, недостаточно социально включенным или социально компетентным. Документирование их способности осуществлять организованную, упорядоченную, рутинизированную повседневную жизнь показывает, что их недооценивали; говоря формальным языком, их действия должны удовлетворять тем же самым условиям стабильности, непрерывности, узнаваемости и т.п., и поэтому их следует считать столь же социально компетентными, как и всех прочих.

Однако эта линия аргументации оборачивается против самой себя, усложняя повседневные занятия до такой степени, что они становятся неуправляемыми. Те, кого ранее считали социально компетентными, дискредитируются, поскольку демонстрируется, что они не способны справиться с проблемами управления взаимодействием, не будучи экспертами и не получив специальной подготовки. В частности, в затруднительном положении оказываются профессионалы по причине сложности и искусности субкультурных форм понимания, с которыми они не знакомы, поскольку не являются членами тех субкультур, с представителями которых им приходится взаимодействовать; они не способны управлять ситуациями взаимодействия со своими клиентами, не становясь жертвами тех помех, которые стоят на пути межкультурных контактов.

В итоге происходит полная утрата смысла таких понятий, как «сложный» и «искусный», поскольку эти термины, как и многие другие, исполняют несовместимые функции и применимы только там, где существует определенная система координат, в пределах которой можно осуществлять дифференциацию; если даже наиболее простые, элементарные отрезки поведения становятся сложными, тогда описывать их подобным образом бессмысленно. Известно, сколь важно для социологов изучать то, что другим может казаться тривиальным, но они должны, по-видимому, делать это так, чтобы сохранять данные феномены в качестве вещей-кажущихся-мелкими-и-тривиальными.

3. *Расшифровка смысла*

Одним из способов обогащения повседневного является демонстрация непрозрачности и закодированности обыденной коммуникации. (Это направление исследований ассоциируется со структуралистами [леви-строссовского типа и пр.])

Социологию можно рассматривать как практику перефразирования: другие люди переводят свои выражения в слова, которые затем переводятся в иные, наши слова. Если попытаться обнаружить оригиналы социологических парафраз, то часто оказывается сложно увидеть связь между ними, установить, что одни являются отображениями других: обычно необходимо обратиться за инструкциями к содержащему их тексту, чтобы понять, каким образом парафраз был получен из оригинала. Как правило, тот факт, что эту связь можно выявить лишь с большим трудом, не считается доказательством того, что искусство социологического перефразирования может

быть усовершенствовано, скорее, это считается доказательством необходимости социологического парафраза, свидетельством того, насколько непрозрачен по своему смыслу оригинал.

Значение, которое придается непрозрачности смысла, может показаться странным в свете того факта, что оригиналы часто отличаются наличием совершенно однозначного смысла, на первый взгляд даже более ясного, чем смысл социологического объяснения, которое призвано прояснить его. Но это только в том случае, если мы предполагаем, что они имеют в виду то, о чем говорят, и говорят то, что имеют в виду. Если членов общества можно считать слабо подготовленными к пониманию и описанию объективно данных им обстоятельств, тогда их в равной мере можно считать малоприспособленными к осознанию всей важности их собственных коммуникаций. Они воспринимают свои выражения исходя из того, что они хотят сказать, но они могут придавать им смысл только в границах и формах, заданных используемой ими системой коммуникации; они способны говорить только о том, что им позволено. Кроме того, их слова следует оценивать с точки зрения объективных возможностей: они должны говорить или о них, или ни о чем. В этом смысле значительная часть произносимых членами общества высказываний — ни о чем: это высказывания о вымышленных персонажах, сверхъестественных существах, мифических героях. Однако их можно подвергнуть тематической переориентации и функциональному переопределению. Они могут обсуждаться в контексте повествований, загадок, историй и т.д. с развлекательными, ритуальными, обучающими и пр. целями, но функция такой речи может быть переопределена: все формы речи могут рассматриваться с точки зрения передаваемого ими сообщения или высказываемого суждения; возможны высказывания, которые внешне или в принципе не имеют «объективного» смысла. Их следует считать говорящими «о чем-то», сколь бы далеко это ни было на первый взгляд от какой-либо темы. Если они ни о чем — если персонажи вымышлены, если не существует области сверхъестественного — тогда каков предмет этих высказываний? Социологи легко находят ответ: их предмет — социальная организация, они говорят о вещах, о которых нравится говорить социологу.

Тот факт, что конкретное высказывание вроде бы совершенно не посвящено социальной организации, очень важен: высказывание должно пониматься как аллюзия, эвфемизм, реплика, касающаяся социологических предметов, но говорящая при этом о чем-то совершенно ином. Высказывание является аллюзией в силу необходимости: такой способ выражения единственно доступен, он позволяет говорить о том, о чем нельзя сказать *иначе* в данном обществе, или о том, что, будучи высказано подобным образом, может быть принято, но окажется недопустимым, если не будет обеспечивать четкой и *узнаваемой* передачи смысла сообщения.

Сообщение, которое пытается извлечь социолог, «закопано» глубоко внутри оригинала и поддается извлечению только в результате сложной исследовательской работы именно потому, что оно должно быть скрыто от его предполагаемых реципиентов, предъявлено им в виде, который вряд ли можно идентифицировать с его декодированной формой.

Мастерство, которое нужно проявить, чтобы обнаружить эти скрытые сообщения, неизбежно ставит вопросы: достаточно ли одного мастерства и кто должен его

проявлять? Преимущественно социолог? Тогда с чем мы имеем дело: с божественной истиной или надувательством? [6]

Машинерия, необходимая для получения необходимого парафраза из оригинала, достаточно сложна и требует умелого использования, поэтому социологу следует доверять в силу мастерства, которое он продемонстрировал при построении своего аппарата. Но такого рода доверие делает несостоятельным все предприятие. Социолог не просто пытается построить паттерн и выявить, какого рода трансформациям может быть подвергнут определенный «текст»; он хочет обнаружить вещи, которые эмпирически реальны, и осуществляемый им перевод оригинала предлагается не в качестве одного из возможных, а как *единственный*, который *должен* быть произведен, как утверждение о том, что оригинал всегда значил. Но извлечь смысл можно лишь посредством интерпретативной машинерии, и ее тоже следует приписать акторам, поскольку она воспроизводит процедуры, которые акторы должны применять для опознания скрытого смысла их обоюдных коммуникаций. Акторы снова изображаются более сведущими, чем им о том известно.

Одним из крайне полезных инструментов для осуществления этого маневра — приписывания актору необходимых интерпретативных навыков — является использование пространственных метафор, транспонирование отношений в пространственные термины, позволяющее говорить о поверхности и глубине, внешней видимости и скрытой реальности. Оригинал и его парафраз не отделяются друг от друга временем (парафраз делается позже) и человеческой деятельностью (парафраз создается исследователем, оригинал — членом общества). Наоборот, они объединяются в единый объект, внешним проявлением которого становится оригинал, а инфраструктурой, соединяющей объект воедино и упорядочивающей его, — парафраз. Такого рода опространствливание тоже соответствует идее скрытого смысла: хотя поверхность и глубина, внешняя видимость и внутренняя структура едины, одно обычно мешает нам разглядеть другое: поверхность скрывает глубину, внутренняя структура прячется «за» внешними видимостями и потому недоступна для непосредственного восприятия.

4. Моральная инверсия

От обогащения повседневного до моральной инверсии, превращения плохого в хорошее — один шаг. Это излюбленная стратегия в социологии девиаций [11]. И она тесно связана с предыдущей. В последние годы социологи, изучающие девиации, предоставили множество прямых доказательств этой связи. Нам было сказано, что поведение промышленных вредителей, вандалов, хулиганов и пр. морально порицается обществом из-за откровенной беспричинности и бесцельности их действий (обратите внимание: обычно подобные атрибуции открыто не делаются). Но простейшее этнографическое описание показывает, что подобные действия вполне могут «ценными». Можно обнаружить и смоделировать такие мировоззрения и ситуации, в которых они «логичны» и «целенаправленны». Промышленное вредительство имеет смысл в определенных трудовых ситуациях, а девиация в целом является способом субкультурной адаптации к определенным общественно-экономическим и культурным условиям; безумие — это здоровая реакция на больной мир. Исследования отдель-

ных случаев и этнографические описания постоянно смешивают порядок анализа с порядком анализируемых действий, порядок объяснения — с порядком оправдания, порядок действия — с порядком реакции. Поняв, что девиация является логической реакцией на неприятную ситуацию, мы можем простить девианта и возложить вину на ситуацию. На ситуацию всегда можно положиться, она обязательно к чему-нибудь приведет, поскольку область данных никак не ограничена. В итоге душевнобольной оказывается здоровым, хулиган — действующим разумно, низкая успеваемость в школе — свидетельством таланта, порнографы — исполняющими важную социальную функцию и т.д.

Вопросы осмысленности и оправданности (очевидно) тесно связаны, но их можно полностью смешать. Если подразумевается (как часто делают теоретики девиации), что действия девианта принято считать иррациональными, бесцельными, непоследовательными, тогда демонстрация того, что эти действия целостны, целенаправленны и уместны, будет ставить под сомнение стигматизацию девианта: если у действия есть *какая-то* причина, то это *хорошая* причина. Разумеется, *ту или иную* причину всегда можно придумать⁷.

Конструируя социологические объяснения, автор контролирует *все* реакции, т.е. он может отбирать и упорядочивать обстоятельства, которые будут преподноситься в качестве актуальных и воспринимаемых обстоятельств действия, и тем самым может указывать только те, которые будут делать действия внешне полностью уместными, совершенно разумными. В силу связи между «деланием» и «сущностью» [9, р. 173–175], между действиями и воспринимаемым характером людей переописание действий в качестве разумных и уместных ведет к пересмотру представления о девианте (который теперь выглядит «таким же нормальным») и тем самым к перераспределению вины. Если девиант ставится в зависимость от некоторых акторов, которые воплощают собой «реакцию общества», тогда реконцептуализация девианта равносильна восприятию *самых* агентов социального контроля как делающих бессмысленные, немотивированные, неуместные вещи. Антипсихиатрия, например, может дискредитировать психиатров, даже не говоря о них: если сумасшедший здоров, но его запирают, принуждают и ограничивают, тогда что можно сказать о психиатрах?

Моральная защита оказывается не таким сложным делом, если достаточно широко раздвинуть границы понятий «цель» и «причина». Возьмите действие, считающееся неподобающим, выявите обстоятельства, в которых оно было бы уместным и эффективным, и ограничения будут сняты. Обнаружив эти обстоятельства, скажите, что именно на них ориентировался актер и/или что именно они составляют «объективную» ситуацию его деятельности (смените систему координат), и заявите, что вы смогли показать: данное действие является реакцией на указанную ситуацию, независимо от того, замечает это сам актер или нет. Такого рода техника работает довольно хорошо в случае девиантов, поскольку она будет работать в случае *кого угодно*. В настоящее время моральная защита осуществляется избирательно с целью реабилитации «девиантов» и осуждения (обычно) «властей предержащих», но, как и в случае понятий сложности и компетентности, конечным результатом последовательного до-

⁷ Если это не получается, то ее можно просто позаимствовать у девианта, «поймать его на слове» [14].

стижения данной цели являются анархия, отказ от *любой* моральной дискриминации и усиление релятивизма, который подрывает трактовки теоретиков девиации, как и все прочие.

Смена полюсов не годится для решения социологических проблем; «переход на сторону» девианта не ведет к принципиальной коррекции тех теорий девиации, которые «принимают сторону» властей⁸.

Заключение

Мы попытались показать, что достижение иронических эффектов в социологии может осуществляться ценой отказа от осмысления трудных проблем, связанных с описанием и пониманием действий. Конечно, благодаря подобным эффектам можно получить новую точку зрения на повседневные практики, но она будет беспочвенной. Перевернув Гегеля, Маркс успешно вернул его на ноги, но это не значит, что переворачивание всегда оправданно: часто переворачиванием все и заканчивается.

Литература

1. Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000.
2. Anderson D. C. Stories and arguments // *Pragmatics Microfiche* P.M. 1978. №3: I:E 9.
3. Becker H. S. *Sociological work*. London, 1970.
4. Brown R. H. *A poetic for sociology*. Cambridge, 1977.
5. Burke K. *A grammar of motives and a rhetoric of motives*. Cleveland, Ohio, 1962.
6. Burling R. Cognition and componential analysis: God's truth or hocus pocus // *Cognitive anthropology* / Ed. by S. A. Tyler. New York, 1969. P. 419–428.
7. Garfinkel H., Sacks H. Formal structures of practical actions // *Theoretical sociology* / Ed. by J. C. McKinney and E. A. Tiryakian. New York, 1970.
8. Garfinkel H. *Studies in ethnomethodology*. New Jersey, Englewood Cliffs, 1967.
9. Goffman E. *Asylums*. New York, 1961.
10. Hall S., Jefferson T. *Resistance through rituals*. London, 1975.
11. *Images of deviance* / Ed. by L. Taylor, S. Cohen. Harmondsworth, 1971.
12. Ranciere J. 1971. The concept of «critique» and the «Critique of Political Economy» // *Theoretical Practice*. 1971. Vol. 39. № 2. P. 123–154.
13. *Rationality* / Ed. by B. Wilson. Oxford, 1970.
14. Taylor L. The significance and interpretation of replies to motivational questions: the case of sex offenders // *Sociology*. 1972. Vol. 6. № 1. P. 23–39.
15. The Open University. *Dial making sense of society*. Block I. Units 1–3. *Limits of everyday thinking*. Milton Keynes, 1976.

⁸ Кроме того, расширение словаря действий, понятий цели и причины, релевантных обстоятельств и пр. позволяет сделать идею «сторон» настолько всеохватывающей, что мы оказываемся просто вынуждены совершить выбор; если стороны определяются достаточно неопределенно, мы все должны быть на той или другой стороне. Поэтому Говард С. Беккер спрашивает: «На чьей вы стороне?» [3], искренне ожидая, что мы *обязательно* совершим выбор.